

Всё произошло в одно мгновение. Вэнь Ци, затаив дыхание наблюдавший за схваткой, едва не закричал.

За всю свою жизнь он не видел ничего подобного. Су Цзюгуй действовал молниеносно и беспощадно: в ту самую секунду, когда они сошлись с призрачным заклинателем, тончайшая нить уже захлестнула шею противника.

Не давая врагу опомниться, Су Цзюгуй резко натянул нить, отделяя его голову от плеч еще до того, как тот успел издать хоть звук.

Будь это живой человек, паутинка с жадностью упиалась бы горячей кровью. Но призрачный заклинатель давно перестал быть живым, и артефакту досталась лишь зловонная трупная жижа.

Словно проголодавшийся бродяга, который раскрыл рот в предвкушении изысканного яства, а получил лишь ложку прокисшей каши.

Разочарованная нить вяло скользнула обратно в ладонь Су Цзюгуя. Теперь, приглядевшись, Вэнь Ци мог различить её тусклый след в полумраке.

Вэнь Ци решил, что всё кончено.

«Надо же, как бьются великие мастера, — подумал он. — Всего пара ударов, и исход решён»

Он уже собирался вылезти из своего укрытия под столом, но вовремя заметил неладное: Су Цзюгуй по-прежнему сурово хмурился.

Обезглавленное тело обычного человека рухнуло бы наземь, а голова покатилась бы по грязи. Но с этим существом всё было иначе.

Отделенная голова безвольно застыла, паря в воздухе, в то время как обезглавленное туловище с глухим стуком повалилось на землю, точно пустой мешок.

Зрелище было жуткое, противоестественное: тело повержено, а отрубленная голова неподвижно висит на прежней высоте, будто привязанная к невидимому крюку.

Тяжелый плащ призрачного заклинателя рухнул на землю, но под грязной тканью внезапно началось какое-то дикое шевеление. Изнутри донеслось глухое, зловещее бурление, напоминающее кипение болотной жижи, и из складок одежды поползли... новые человеческие головы.

Вэнь Ци охватил ужас, породивший нелепое детское воспоминание. Когда-то давно, во время

поминального обряда, они складывали поминальные яблоки высокой пирамидой и накрывали её красной парчой. Стоило кому-то задеть это подношение, как яблоки со стуком катились во все стороны. Вот и сейчас из-под упавшего плаща, точно эти яблоки, покатались мертвые головы.

У этого чудовища вообще не было собственного тела. Он лишь состыковал чужие руки, ноги и шею, пряча это убожество под просторным плащом, чтобы казаться человеком, а пустоту внутри забил оторванными головами мертвецов.

В один миг над двором взмыли шесть человеческих голов. Оскалив острые клыки и шевеля раздвоенными змеиными языками, они брызгали во все стороны гнилой слюной.

— Хи-хи-хи-хи-хи... — со свистом и шипением зашлись они в едином издевательском хохоте, от которого у Вэнь Ци мурашки побежали по спине.

Юношу вывернуло от омерзения. Вид парящих в ночном небе мертвых голов лишил его остатков самообладания.

Происходящее настолько не укладывалось в его представление о мире, что разум попросту отказывался верить глазам.

Его сдавленный всхлип привлек внимание призраков, запертых в доме. Стоило Су Цзюгую выйти во двор, как духи почуяли свободу и теперь, обнаглев, медленно окружали Вэнь Ци.

Спасение Су Цзюгую волновало Вэнь Ци куда меньше собственной шкуры.

Судорожно вцепившись в бесполезный бумажный оберег, парень пятился назад, пока не уперся в стену.

— Не подходите! Прошу вас, не подходите! — жалобно взмолился он.

Внезапно в его голове вспыхнули слова Су Цзюгую о том, что все эти призраки — его покойные родственники, настоящие предки рода Вэнь.

Вэнь Ци решил сменить тактику:

— Дедушка? Бабушка? Вы ведь помните меня? Мы же одна семья! Я вам и бумажные деньги исправно жёг на праздники... Вы просто старенькие уже, запомнили!

Он бормотал это, едва не плача от бессилия. Су Цзюгуй отчаянно дрался во дворе, и рассчитывать на его помощь не приходилось.

Сжавшись в комок под столом и глядя на приближающиеся полупрозрачные силуэты, Вэнь Ци запричитал навзрыд:

— Да как же так? Вы меня не узнаете? Я же ваш внук! Родной внучок!

Вдруг совсем рядом раздался короткий смешок.

Звук показался Вэнь Ци знакомым, но не успел он сообразить, чья это забава, как наступавшие призраки застыли на месте и в одно мгновение растворились в воздухе, словно дым.

Он растерянно моргнул. Неужели Су Цзюгуй вернулся? Но со двора по-прежнему доносились яростные звуки схватки.

Выждав немного, Вэнь Ци осторожно высунул голову из-под столешницы. Комната была пуста — ни одного призрака не осталось.

На секунду его прошиб холодный пот: раз духов нет на полу, может, они затаились на потолке?

Он медленно, со страхом поднял взгляд. Крик ужаса уже готов был сорваться с его губ, но застрял в горле, когда парень разглядел незваного гостя.

Прямо на него смотрели два бездонных, абсолютно белых зрачка без радужки.

Сяобай непринужденно сидел на краю стола, скрестив ноги, и с явной насмешкой разглядывал перепуганного юношу.

— Впервые вижу, чтобы кто-то с таким упорством напрашивался в чьи-то внуки, — лениво протянул он.

Дракон появился совершенно бесшумно. Причитания Вэнь Ци искренне его позабавили. Подплыв к столу бесплотным духом, он устроился на нем с полным удобством.

Лишенные цвета глаза Сяобая слабо мерцали во тьме, нагоняя жуть.

И тут до Вэнь Ци дошло: призраки исчезли именно из-за него.

Они испугались этого мальчишки?

Тот сидел прямо перед ним, окутанный невидимой, но подавляющей мощью. Ни один злой дух не посмел бы приблизиться к этому месту — один воин на заставе сильнее целого войска. Сяобай хитро прищурился:

— Ну что, полезешь обратно под стол?

Услышав это, Вэнь Ци устыдился. Гордость, пусть и изрядно потрепанная, не позволила ему заползти обратно в пыль.

Кое-как выбравшись наружу, он выглянул во двор. Там Су Цзюгуй и призрачный заклинатель вели яростный, головокружительный бой. Шесть отрубленных голов кружили в воздухе, нападая со всех сторон, отчего у Вэнь Ци вновь подступила тошнота.

Сяобай тоже перевел взгляд на сражающихся. Подперев кулаком подбородок, он лениво наблюдал за суматохой. По его меркам, силенка этого призрачного заклинателя была курам на смех.

Понаблюдав еще немного, Вэнь Ци окончательно убедился, что пока дракон рядом, призраки не посмеют и пальцем его тронуть.

Осмелев, он протиснулся поближе и встал за спиной Сяобая. От безмятежного вида юноши веяло такой уверенностью, что страх Вэнь Ци понемногу отступил.

— Что это за жуть? — шепотом спросил он, указывая на парящие во дворе головы.

— Магия летающей головы, фэйтоуцзян, — охотно объяснил Сяобай. — При жизни этот урод был человеком. Но за выбор пути призрачного заклинателя приходится платить страшную цену. Нужно самолично отрубить себе голову, отделив её от туловища, а затем закопать тело глубоко под землю. Пока плоть в могиле не сгниёт и не умрёт, голова останется бессмертной.

Вэнь Ци вытаращил глаза, не веря своим ушам.

— Сам? Добровольно отрубил собственную голову?!

— Разумеется, — фыркнул Сяобай. — В этом весь смысл магии летающей головы. Если тебе её отсечет кто-то другой, ты попросту сдохнешь.

Вэнь Ци надолго задумался, пытаясь переварить услышанное. Логика казалась совершенно безумной.

— Но... — робко спросил он, — а если отрубишь сам и всё равно умрешь?

— Из сотни безумцев выживает дай бог один, — усмехнулся Сяобай. — Думаешь, почему призрачные заклинатели встречаются так редко?

Это черное искусство требовало жуткого ритуала. В ночь полнолуния нужно призвать темное божество, поднести ему три чаши кровавого вина и отвесить три земных поклона, разбивая лоб до крови.

А затем взять раскаленный докрасна клинок и одним махом перерубить собственную шею.

Здесь важна каждая деталь. Лезвие обязано пылать жаром, покрытое особыми рунами заклятия. Удар должен быть молниеносным, без малейшего колебания.

Если таинство свершится правильно, раскаленная сталь мгновенно прижжет сосуды и запечатает горло, не дав пролиться ни единой капле крови. Только так можно сохранить жизнь и в теле, и в отделенной голове.

Ну а если рука дрогнет — пиши пропало, сразу отправишься на аудиенцию к Владыке Преисподней.

Сяобай пренебрежительно фыркнул:

— И ведь не поленились пойти на такое безумие.

Чтобы отыскать следы Лу Юньцзи, орден праведников, похоже, не пожалел сил и выставил даже столь редких чудовищ.

Во дворе парящие обрубки плоти, прежде скрытые под плащом, начали соединяться в воздухе. Они сплелись в кошмарного монстра с двумя когтистыми руками и шестью головами, кружащими вокруг лопаток. В одной из лап чудище сжимало кривой боевой серп.

Су Цзюгую приходилось туго. Ослабленное тело лисицы не справлялось с натиском, и заклинатель, пропуская удар за ударом, стремительно отступал к каменной стене.

У Вэнь Ци сердце ушло в пятки. Ему было не до расспросов о том, откуда у его спутника взялось умение управлять паучьим шелком. В конце концов, Су Цзюгуй сам был нечистью, а от таких тварей можно ждать любых фокусов.

— Ты не собираешься ему помочь? — не выдержав, спросил Вэнь Ци.

Сяобай лениво зевнул:

— Я жду.

— Чего? — удивился Вэнь Ци.

— Подходящего момента для спасения прекрасного принца, — на губах Сяобая заиграла хищная усмешка. Он прекрасно знал, что не позволит Су Цзюгую погибнуть у него на глазах.
— Я жду, когда он сам меня попросит.

Су Цзюгуй упрямо оберегал его, запрещая вступать в бой и обращаясь с ним как с беззащитным кроликом.

И теперь дракон жаждал загнать упряма в угол. Ему хотелось лишить Су Цзюгуя любого пути к отступлению, чтобы этот холодный, гордый человек опустился до мольбы. Одна мысль о том, как высокомерный бессмертный смирит гордыню и попросит о помощи, приводила Сяобая в трепетный восторг.

Вэнь Ци пробрал озноб. До него наконец дошло: самым жутким чудовищем здесь был вовсе не призрачный заклинатель с его летающими головами и даже не переродившийся великий мастер Лу Юньцзи. Самым опасным существом был этот улыбчивый, невинный на вид юноша!

У Су Цзюгуя не было при себе оружия, если не считать хрупкой паутиной нити.

Но этот артефакт, словно обладая капризным разумом, признавал только силу. Почувствовав, что хозяин слабеет, нить безвольно обмякла, отказываясь подчиняться.

Су Цзюгуй пропускал удар за ударом. На его теле зияли три глубоких пореза: два на спине и один на предплечье.

Некогда изящные зеленые одежды превратились в лохмотья. Из рваных ран струилась темная скверна — если не покончить с врагом в ближайшие минуты, ядовитый туман заживо сожрет его плоть.

Призрачный заклинатель с гиканьем взмахнул серпом. На его уродливых лицах проступило разочарование: неужели прославленный грандмастер прошлого на деле оказался столь ничтожным слабаком?

Сяобай перестал улыбаться. Его забавляла эта игра, но упрямство Су Цзюгуя начинало вызывать тревогу — тот не собирался просить о пощаде даже на краю гибели.

Ему ведь не нужно было унижаться. Достаточно было просто позвать, произнести его имя — и дракон в мгновение ока сотрет этого жалкого мертвеца в порошок.

— Да сделай же хоть что-нибудь! — чуть не плача от ужаса, взмолился Вэнь Ци. — Его сейчас убьют!

Сяобай крепко сжал кулаки, изо всех сил подавляя рвущийся наружу защитный инстинкт.

— Еще рано, — процедил он сквозь зубы.

Вэнь Ци решительно не понимал этих двоих. Сяобай, который обычно дрожал над каждой царапиной Су Цзюгуя, сейчас проявлял леденящую кровь жестокость.

— Какое «рано»?! Тебе так важно потешить свое самолюбие его мольбами? Хочешь, я перед тобой на колени встану, а?! Пожалуйста, спаси его!

Сяобай вцепился в столешницу с такой силой, что дерево под его пальцами жалобно затрещало. Нет, Су Цзюгуй еще не дошел до края. Его воля не сломлена до конца.

Не достигнув предела, не познаешь истинной силы. Не оказавшись в безвыходном положении, никогда не поймешь, где пролегает черта твоих возможностей.

Сяобай хотел, чтобы Су Цзюгуй сам прочувствовал свою новую глубину.

В этот момент тяжелое лезвие серпа с хрустом вошло в левое плечо Су Цзюгуя. Заклинатель покачнулся. Враг пригвоздил его к стене, лишая малейшей возможности уклониться или сбежать.

Остриё холодного оружия вонзилось глубоко в каменную кладку, удерживая распятое тело на весу. Выхода не было.

— И это всё, на что ты способен? — прохрипел призрачный заклинатель, скалясь всеми своими головами.

Он утробно расхохотался. Возродиться в новом теле легко лишь на словах. Лишившись прежнего величия и многовековой духовной силы, глупо цепляться за былую гордость — это лишь ускорит твою кончину.

— Смирись. Тебе меня не одолеть.

Призрачный заклинатель с силой провернул серп в ране, стремясь вырвать кусок плоти из плеча Су Цзюгуя.

Су Цзюгуй в безмолвной агонии стиснул зубы. Разница в силе была непреодолимой: этот монстр совершенствовал свое темное искусство не одно столетие, в то время как тело простого лисьего демона, доставшееся Су Цзюгую, едва ли просуществовало несколько лет.

В мире заклинателей законы суровы: существо девятого ранга никогда, даже ценой собственной жизни, не превзойдет противника восьмого ранга.

Границы рангов — это непреодолимая пропасть. Беззащитная лань никогда не растерзает матерого волка.

Для мелкого демона, не имеющего даже начального ранга, победа над старым призрачным заклинателем была невозможна.

Получив этот сомнительный шанс на перерождение, он впервые в полной мере прочувствовал, каково это — быть свергнутым в пыль и растоптанным в грязи.

Ничтожество, на которое он в прошлой жизни не удостоил бы и мимолетного взгляда, теперь могло без труда лишить его жизни.

Любой другой на его месте захлебнулся бы яростью, впал в отчаяние или стал бы проклинать несправедливые Небеса.

Но в груди Су Цзюгуя не было места этим чувствам. Он слишком долго пребывал в ледяном безразличии, отказавшись от земных страстей. И теперь, когда в его груди вновь билось живое сердце, он попросту не помнил, как нужно гневаться или бояться.

На тернистом пути самосовершенствования в прошлой жизни он перенес бесчисленное множество невзгод и вытерпел такие муки, какие не снились ни одному смертному.

Он сотворил невозможное: будучи обычным человеком, сумел прожить тысячу лет и остановился в шаге от истинного вознесения.

Небеса были так близки... А затем грянула карающей грозой небесная казнь, стирающая в прах саму душу. И даже под этими безжалостными ударами, уничтожившими три души и шесть духовных сущностей, он ухитрился сохранить последнюю искру жизни.

Само его возвращение в этот мир было чудом из чудес.

Так существует ли во всей Вселенной то, что действительно способно его остановить?

Су Цзюгуй медленно поднял голову. С его лба сорвалась тяжелая алая капля и, скользнув по веку, оставила на щеке след, похожий на кровавую слезу.

Истерзанный, истекающий кровью, он сохранял обманчивую, пленительную красоту лисьего оборотня. Внутренний свет и внешняя хрупкость этого зрелища лишь разжигали в его палаче уродливую, садистскую жажду разрушения.

Желание медленно, по кусочкам разорвать эту безупречную плоть.

<http://bllate.org/book/18298/1755128>